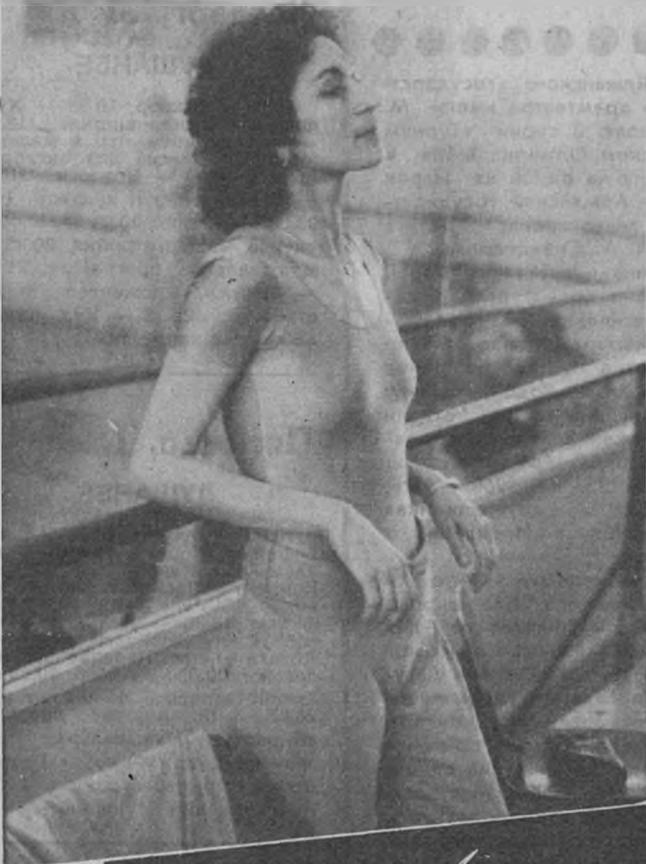

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

Ни строки про счастье

**«Там Спящая красавица
Земли едва касается
Под гром аплодисментов.
Прекрасная, бессмерт-
ная...»**

Allegro moderato

«Вот взять, к слову, балет. Ты часто пишешь о балете, — напутствовал меня, начинающую, опытный, талантливый журналист. — Ищи яркие, выразительные детали. Ну, например — это банально, разумеется, но первое, что на память приходит — бисеринка пота на виске».

Бисеринка пота... Репетиция, час, второй. Купальники, чулки на ногах можно отжимать. Намокли и свиваются в мелкие колечки волосы на висках и у шеи. По шее, по ключицам — извилистые мокрые полоски, как зимой в троллейбусе по запотевшим стеклам. На станках тут и там небрежно брошенные полотенца. Но до этих ли мелочей, до полотенца ли? Музыка гонит — сильные доли, акценты, словно удары плетью — вперед, быстрее.

Спутались, столкнулись в прыжке в сложном перестроении. Троекратным хлопком

останавливает Марина летящую карусель. «Ваша тройка вступает первой, вы — вторые, дальше — третьи, ваша группа — четвертая. Еще раз. Можно», — это уже концертмейстеру. И снова в том же неутомимом темпе музыка. «Первые! Вторые!» — скандирует дирижер Марина. «Первые... вторые», — повторяют, точно пароль, «тройки».

В Таджикском академическом — постановочные репетиции. «Серенада», музыка Петра Ильича Чайковского. Хореография Джорджа Баланчина. Неоромантизм — один из самых любимых, самых близких Марины стилей.

Марина Алексидзе из Тбилиси. Солистка балета, ассистент балетмейстера Тбилисского академического театра оперы и балета имени Захария Палиашвили. Заслуженная артистка Грузинской ССР. Сейчас по приглашению администрации работает Марина с балетной труппой Таджикского оперного театра. Стоит два одноактных балета. Один из них — «Паване маэра» на музыку английского композитора XVII века Генри Перселла. Поставлен в 1949 году американским хореографом, представителем американской школы модерна Хосе Лимоном.

Второй — «Серенада»... Метельное кружение-кружение танцовщиц в шуршащих воздушных пачках. Все это будет. Но как недослажно далеко сейчас то время, когда это будет. Пока только постановочные репетиции: «Ваша тройка сюда... выстраивайтесь по этой линии... па де ша, затем плие и опять па де ша...» Потом — не день, не неделю — месяцы это будет разучиваться, шлифоваться. Будут сбивать пальцы и ручейки пота.

А пока еще... Первая тройка, вторая, перестроились по четыре, эхом по залу: и-два, и-два, и-три. Будто и не балетный класс, в комнате, где странной, непривычной арифметикой занимаются.

Andantino

Меняется темп, и точно само время — а вовсе не музыка — начинает струиться медленной, весомой: ларгетто...

На смену эпизоду, где заняты все участники будущего спектакля — сольный фрагмент. Впрочем, в хореографии Баланчина нет резкого деления на солистов и кордебалет. Тот самый принцип хореографического ансамбля, когда «балетная ситуация», кажется, в лю-

бое мгновение может выхватить, дать котдельным кадром любого из множества. Нет первых, нет последних. Не спрячешься за чужой спиной, не потеряешься в толпе.

Сюжета как такового в «Серенаде» нет. Балет-образ. Балет-настроение. Этот жанр спектакля, ставший впоследствии типичным для балетного театра Америки, «открыл» именно Баланчин, Джордж Баланчин — такой псевдоним выбрал себе американский балетмейстер, выходец из Грузии, танцовщик Петроградского театра Георгий Мелитонович Баланчивадзе.

Преодоление немалых технических сложностей, работа во имя предельной выразительности каждого жеста. Легко представить, каких трудов стоит труппе новая постановка.

Всем по очереди «выпадают» в работе короткие паузы. И свободные от танца тут же усаживаются на низенькие скамейки, опускаются на пол. На пол, особый «балетный» пол — гладкий, из плотно подогнанных друг к другу некрашенных досок, чтоб ни щелочки, ни зазоринки; на пол, до репетиции политый водой — чтоб не скользили пуанты. И наваливается ощущение духоты и усталости, идущее, ка-

жется, от этих сыроватых белесых досок.

Но эта слабость — на минуту, не более. Уже звучит команда: «Приготовиться! Выход!»

Final

Репетиция — час, второй. Дыхание тоже второе или которое там по счету. Троекратный хлопок: «Стоп. Все подряд с самого начала. Приготовились. Можно», — это уже концертмейстеру.

Забутые полотенца на станках. Струйки пота по шее. Танцовщицы... улыбаются. Получается! Еще не внятно, не видно «чужим» глазам. Внешне еще света-сует, спутанные рисунки и неверные движения. Но... улыбаются!

«Ты что, летопись театра собралась написать?» — «сердитым голосом» однажды спросил редактор, увидев очередную статью об очередном спектакле. Наверное, мне не под силу летопись. Хотя бы странички для той книги, где, помните: «...тысячи лиц. И театр, и жизнь закулис. Ни строки про счастье там нет. Только про балет, про балет...»

